

комнатѣ даже самаго лучшаго отеля въ мірѣ и вѣчно выслушивать одни и тѣ же увѣренія въ любви. Даже миссъ Элепъ, которая также читаетъ эти письма, приходитъ въ восхищеніе отъ тона послѣднихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она, краснѣя, восклицаетъ: «Ромео и Джульета», и я вижу по ея губамъ, что она цитируетъ про себя самыя трогательныя мѣста изъ этой трагедіи. Сначала она было рѣшила не давать мнѣ читать всѣхъ писемъ, потому что, по ея мнѣнію, тамъ попадались иногда мѣста, не совсѣмъ удобныя для молодой дѣвицы. Но я съ самымъ невозмутимымъ видомъ настояла на своемъ правѣ и глотала съ жадностью каждое слово сестры и шурина. Видя, что я нисколько не восхищаюсь ихъ письмами, миссъ сердилась на меня и говорила, что во мнѣ говоритъ мое обычное упорство и желаніе дѣлать все наперекоръ. Но это совсѣмъ не такъ: вѣдь не хочу же я передѣлывать по иному свою жизнь или даже свой характеръ...

*1-го Мая.*

Я приобрѣла еще одно новое знакомство: съ Василиемъ Захарьевичемъ Позднышевымъ. Онъ явился къ намъ, по просьбѣ Ани и Григорія, съ которыми повстрѣчался, будучи проездомъ въ Берлинѣ. Онъ давнишній пріятель Григорія и обѣщалъ ему, сейчасъ по прибытіи въ нашъ городъ, отыскать насъ и передать намъ поклонъ. Случилось